

Этапы эстетического самосознания

© 1984, Гугнин А.

Hinstorff Verlag, 1983, 528 S.

Умерший в июле этого года Франц Фюман принадлежит, безусловно, к числу наиболее значительных писателей Германской Демократической Республики. При том, что его творческий вклад в развитие литературы ГДР и – шире – в мировую литературу социалистического реализма очевиден, предстоит еще многое сделать, чтобы точнее определить подлинный объем и уяснить специфику этого вклада. Основная трудность здесь, на мой взгляд, заключается в том, что с середины 70-х годов Ф. Фюман (будучи уже больным) начал работать столь многопланово, столь интенсивно и, на первый взгляд, столь фрагментарно и противоречиво, что в любом случае понадобится немало исследовательских усилий, чтобы объективно и непредвзято оценить его поиски и, главное, разобраться: какие из предложенных им решений окажутся в русле дальнейшего развития литературы социалистического реализма, а какие будут временно (или надолго, а может быть, навсегда?) оттеснены на периферию или отклонены.

Франц Фюман прожил 62 года. Его творческие поиски, по сути дела, оборвались в самом зените, и, наверное, не следует торопиться с итоговой оценкой его творчества. Очень важное значение для такой оценки будет иметь дальнейшая публикация произведений, которые писатель успел завершить к июлю 1984 года, и материалов из его архива. Например, уже после опубликования в 1974 году первого тома романа «Прометей» (на русском языке издан в 1982 году) Ф. Фюман неоднократно говорил о своей работе над вторым и третьим томами. Что он успел написать и что не успел? Публикация рукописей, связанных с продолжением «Прометея», в значительной мере поможет уяснить развитие концепции гуманизма, концепции личности и общества, разработанной писателем в последний период его творчества.

Рецензируемый сборник, куда вошли эссе, литературно-критические статьи, речи, выступления и интервью Ф. Фюмана 1964 – 1981 годов, представляет собой шестой по счету том его собрания сочинений, выходящего в издательстве «Хинсторф-ферлаг» в Ростоке. О собрании сочинений стоило бы написать особо, рецензируемый же том дает хорошую возможность поговорить о развитии политических, мировоззренческих, философских и эстетических взглядов Фюмана. В нем, по сути дела, не хватает лишь одной крупной работы – автобиографического эссе «Перед огненными безднами. Мой опыт общения с поэзией Георга Тракля», вышедшего два года назад в издательстве «Хинсторф-ферлаг» отдельной книгой и незаменимого для глубокого представления о путях духовного и литературного развития писателя. Но начнем все-таки если не с самого начала его пути, то хотя бы с истоков его серьезной литературно-критической деятельности...

Сборник открывается знаменитым «Письмом министру культуры», в 1964 году частично (ввиду большого объема) опубликованным в «Нойес Дойчланд» и неоднократно публиковавшимся затем в различных сборниках. Это выступление характерно тем, что по ряду существенных проблем Ф. Фюман предваряет в нем то широкое движение в литературе ГДР, которое по-настоящему развернулось в 70-е годы – после VIII съезда СЕПГ (1971) и на VII съезде писателей ГДР (1973). Это движение в целом характеризуется более зрелым пониманием многообразия функций художественной литературы в социалистическом обществе, постепенным осознанием специфики художественной литературы и незаменимости художественной формы сознания никакой другой формой, ростом мастерства писателей в целом, интенсивными творческими поисками, разнообразием писательских манер. Сейчас все это само собой разумеется, но в 50-е и в 60-е годы дело обстояло далеко не так, хотя крупные художники (такие, как Б. Брехт и И. -Р. Бехер, А. Зегерс, Г. Маурер и др.) и тогда ратовали за широту и многообразие, за высокое художественное качество создаваемых произведений.

Основополагающей функцией литературы ГДР в течение первых послевоенных десятилетий была функция воспитательная, гипертрофированное подчеркивание которой начинало уже в конце 50-х годов становиться тормозом для дальнейшего эстетического развития. Успехи строительства социализма в ГДР в 60-е годы и повышение культурного и идейного уровня подавляющего большинства населения республики поставили литературу ГДР перед новыми задачами, постепенно вытесняя на задний план дидактический и тематический подход к литературному творчеству. Фюман ясно осознал это еще накануне Второй Биттерфельдской конференции: «Нам нужны и трезвые сообщения, и веселейшие создания фантазии, нам нужны произведения о современности, но и утопии, и исторические романы, но прежде всего нам нужно качество, качество и еще раз качество» (стр. 12), – говорит он в этой статье. Исходя из критерия качества, Фюман требует сдержанности, взвешенности и строгости в оценке отдельных

произведений, «решительного улучшения нашей литературной критики» (стр. 13). Перечитывая «Письмо министру культуры» сейчас, мы вспоминаем о том, что его положения были развиты Фюманом в докладе «Литература и критика» ¹ на VII съезде писателей ГДР в 1973 году. В этом докладе обращает внимание прежде всего продуманность общей концепции и масштабность постановки вопроса о месте и роли литературной критики в обществе. Литературная критика как «голос общества», как «общественная сила», а литературный критик как профессионально подготовленный и граждански активный посредник между литературой и обществом, обладающий подлинным авторитетом в глазах писателей и читателей, – такова основная мысль Фюмана, прозвучавшая на съезде.

Оценивая состояние литературной критики ГДР к началу 70-х годов, он констатировал: «...Главный недостаток критики, как мне кажется, состоит в ее тенденции не замечать, обходить специфику литературы.

...Специфический элемент литературы заключен, очевидно, в том, что нельзя заменить никакой другой категорией сознания или растворить в другой сфере надстройки. Ибо то, что можно полностью заменить или без остатка растворить в другой среде, не имеет права на самостоятельное существование» ². Время подтвердило справедливость этой мысли Ф. Фюмана, которая на VII съезде писателей ГДР отчетливо прозвучала также в речи Г. Канта и в ряде других выступлений. Но время подтвердило и то, что слова Канта и Фюмана попали на уже подготовленную почву: после VII съезда писателей литературоведение и литературная критика ГДР добились значительных успехов на многих важных направлениях, в том числе в осмыслении специфики литературы, объективной оценке неповторимого своеобразия творчества отдельных писателей, в разработке диалектического подхода к сложным явлениям в сфере культурного наследия. Во всем этом значительный вклад Фюмана, который уже десятилетие назад все чаще обращался к литературно-критической эссеистике, приняв тем самым активное участие в процессе, получившем позднее, на мой взгляд, выразительное название – «эстетическая эмансипация социалистической литературы» (В. Миттенцвай) ³.

В плаке углубленного осмысления специфики художественной литературы особое место занимает доклад Ф. Фюмана перед студентами берлинского Университета имени Гумбольдта «Мифический элемент в литературе» (1974). При всей спорности отдельных тезисов этого доклада с точки зрения марксистской эстетики, на что вполне справедливо указывалось в критике ГДР ⁴, в нем есть один момент, мимо которого, думается, проходить не следует: попытка писателя выявить и показать на основе анализа текстов разных столетий духовную специфику искусства, которую Ф. Фюман и называет «мифическим элементом» искусства. «Мифический элемент» (поскольку писатель именно из мифа выводит его генезис), или духовная специфика искусства, – это то, что делает искусство незаменимым для человека в сущностном плане, который отнюдь не идентичен с эстетическим планом. «Мифический элемент» в литературе есть не что иное, считает Ф. Фюман, как объективированный и обобщенный в художественных образах индивидуальный опыт миллионов отдельных людей, многих поколений. Человек двойствен по своей природе, поскольку он существо по своим истокам биологическое, и в то же время он немислим вне общества. Двойственная – природно-биологическая и общественно-социальная – природа человека находится в постоянном, большем или меньшем, внутреннем противоречии, которое самим человеком далеко не всегда отчетливо ощущается. Отображение в художественных образах этого противоречия и вытекающих отсюда конфликтов – вот один из

постоянных источников «мифического элемента» в искусстве... Таков в весьма упрощенном изложении ход рассуждений Ф. Фюмана в данном докладе.

Расширяя понятие «мифического элемента» в литературе до объема духовной сущности литературы, Ф. Фюман большое внимание уделял вопросам генезиса этой духовной сущности – отсюда его постоянный и укреплявшийся с годами интерес к мифологии, к сказкам, к различным формам народного эпоса. Внимание к происхождению, к первоисточкам характерно не только для Ф. Фюмана – теоретика литературы, но и для Ф. Фюмана – гражданина и писателя. Как человека и как писателя, пережившего фашизм и испытавшего на себе дурман нацистской идеологии, его постоянно интересовал вопрос о социальных, политических, психологических истоках и источниках фашизма, вопрос о функционировании национал-социалистического идеологического и социально-психологического механизма, вопрос о том, когда, как и какими путями проникала нацистская идеология в сознание миллионов немцев. «Однополчане» (1955), «Суд божий» (1957), «Капитуляция» (1958), «Еврейский автомобиль» (1962), «Эдип-царь» (1966), «Жонглер в кино, или Остров грёз» (1970) – вот некоторые этапы осмысления этой важнейшей для Фюмана темы на первых этапах его творчества. В критике давно подмечено стремление художника дойти до корней, до сути вещей⁵, но такой подход, с точки зрения писателя, вовсе не означает, что избран облегченный и упрощенный путь, скорее наоборот – именно здесь, у истоков, яснее видны все хитросплетения общественного механизма, граничащие, на первый взгляд, с фантастикой и ирреальностью. Так, попытка исследовать тот начальный пункт, когда нацистская пропаганда и вся государственная система оболванивания, столь разработанная в третьем рейхе, начинали отравлять сознание молодежи, закономерно привела Ф. Фюмана от взрослых героев к героям детям, а попытка правдиво показать корня я механизм этого процесса парадоксальным образом заставила его усилить в последних рассказах цикла «Жонглер в кино» («Мой последний полет», «Колокольчик») фантастические или, говоря его собственными словами, «мифические» элементы. Столкнувшись в своем творчестве с необходимостью введения в повествование фантастических и ирреальных элементов для достижения реалистической, в сущности, задачи или, точнее, для лучшего, более адекватного художественного воплощения описываемых явлений, Ф. Фюман обрел возможность более глубокого прочтения ряда сложных писателей прошлого и современности. Особенно впечатляют его статьи и речи, посвященные творчеству Э. -Т. -А. Гофмана, и книга о Г. Тракле.

Помещенные в рецензируемом томе статьи о Гофмане, впервые опубликованные в 1976 – 1979 годах и выходявшие также отдельной книгой⁶, – не только изящные, хорошо написанные эссе, но и глубокие размышления о проблемах художественного метода. Важнейшее место в работах Ф. Фюмана о Гофмане и о Тракле занимает проблема связей художественного метода этих писателей, их образной системы – в одном случае романтической, а в другом – экспрессионистской – с реальной жизнью Германии начала XIX и Австрии начала XX века, а также взаимосвязей их личной жизни с творчеством. Автор доказывает, по сути, очень простую вещь: Гофман и Тракле, если исходить из их жизни, специфики их таланта, окружения и эпохи, должны были писать именно так, как они писали, и мы, читатели, должны быть благодарны им за то, что они писали именно так, а не иначе, ибо только так они смогли сказать о жизни – и сказать правдиво и внятно – нечто такое, чего о ней не смогли в то время сказать другие. Примечательна в этих исследованиях и та предельная откровенность, с которой писатель показывает собственное многолетнее вхождение в сложный духовный мир своих предшественников по литературному ремеслу. С точки зрения освоения культурного наследия работы Ф. Фюмана, несомненно, войдут в историю литературы ГДР...

Опубликованные в сборнике материалы расположены в хронологическом порядке, и это правильно: так лучше видно общее движение мысли писателя и постепенное углубление в те или иные проблемы. Но если попытаться перегруппировать книгу по тематическому принципу, то, помимо вышерассмотренных статей теоретического характера, здесь можно будет выделить по крайней мере два типа работ: во-первых, речи, статьи, предисловия, посвященные творчеству отдельных писателей и художников (Радноти, Мауреру, Фёрстеру, Галасу, Габору, Незвалу, Кольбе и др.), и, во-вторых, интервью и беседы, относящиеся к разным годам и дающие богатый материал для исследования жизни и творчества Ф. Фюмана в целом. Об этих интервью и беседах хотелось бы сказать несколько слов.

Общеизвестно, что жизнь и творчество Ф. Фюмана претерпели сложную эволюцию. На сегодняшний день наименее изучены ранние (до 1945 года) и поздние (после 1978 – 1979 годов) ступени этой эволюции. В интервью, данном М. Хансман (1980), писатель утверждает, например, что стихи он начал сочинять, «как только научился писать. Они составляли необходимую основу моего существования» (стр. 442). Хермлин, один из немногих, кто прочитал опубликованные в годы войны стихотворения Ф. Фюмана, писал по этому поводу: «В них заметна была стилизация под античность; это вполне устраивало нацистов, но за этим – отдадим автору должное – скрывались и иные, лучшие тона. Фюман выступал в этих стихотворениях без героической позы, в них ощущался протест и темный, скрытый страх, не Юнгер был там со стальными грозами, а Трагль с его образом человечества на краю огненных бездн»⁷. Это всего лишь один пример, подтверждающий, что для всестороннего изучения творчества Ф. Фюмана понадобится и более пристальный анализ всех его произведений, которые необходимо разыскать (в рукописном виде или в виде первой публикации).

Высказывания писателя позволяют отчетливо выделить и важнейшие мировоззренческие основы его творчества, которые (при всех нюансах) по существу оставались постоянными на протяжении десятилетий и которые нельзя упускать из виду при оценке последних и наиболее сложных этапов творчества. «Я принадлежу к поколению, которое пришло к социализму через Освенцим..., то есть через осознание человеконенавистнических преступлений национал-социалистов» (стр. 30 – 31), – писал Ф. Фюман в 1973 году в ответ на письмо буцбахских школьников из ФРГ.

В этом же ответе четко сформулированы и другие принципиальные положения политической и гражданской позиции писателя: «Я хочу своей литературной работой служить моему обществу, социалистическому обществу, расположенному на территории Германской Демократической Республики» (стр. 32); «Я рассматриваю литературу как сферу общественной жизнедеятельности, а не как самоцель» (там же). В одном из поздних интервью подтверждаются те же позиции: «Я считаю себя социалистом, я, несомненно, живу в обществе, которое осознает себя как реально существующий социализм, и я чувствую себя призванным работать для этого общества» (стр. 411). Здесь же писатель подчеркивает, что после разгрома фашизма, посещая в советском плену антифашистскую школу, он «интенсивно и страстно изучал марксистскую литературу и философию и был покорен силой их убеждающего воздействия; с тех пор я чувствую себя сознательным сторонником социалистического общества, каковым я являюсь и поныне, ангажированным на стороне Советского Союза, на которой я стою и сегодня...» (стр. 417 – 418).

В одной из последних своих речей (уже не вошедшей в рецензируемую книгу), связанной с присуждением ему в ноябре 1982 года антифашистской премии имени сестры и брата Шолль (погибших при организации группы Сопротивления фашизму) города Мюнхена, Ф. Фюман снова заявил, что, несмотря на обособленность своей позиции по ряду вопросов литературного творчества, он приехал для получения антифашистской премии города Мюнхена как гражданин ГДР, «по своей собственной воле, по своему собственному решению, на основании своих раздумий об Освенциме, которые сделали меня социалистом». Все это надо помнить, чтобы внутрилитературная позиция, которую занимал писатель с конца 70-х годов, не заслоняла его позиции политической и гражданской.

Рецензируемый сборник Ф. Фюмана не только дает богатый материал для анализа философских и эстетических идей самого писателя, но является одним из важных источников для изучения истории литературы ГДР в целом, поскольку творческий путь Ф. Фюмана во многих чертах (а нередко и в нюансах) совпадает с генеральной линией развития литературы ГДР вплоть до второй половины 70-х годов. Эти совпадения обусловлены как схожестью основных этапов биографии художника с биографиями ведущих представителей так называемого «фронтового поколения» (Кант, Шульц, Давид и т. д.), так и специфической гражданской и художественной чувствительностью этого писателя. Эта чувствительность (*Sensibilität*) проявлялась в разных формах. Например, в той настойчивости и прямо-таки навязчивой неутомимости, с которой Ф. Фюман размышлял о проблеме соотношения субъективной «правдивости» (*Wahrhaftigkeit*) и объективной «правды» (*Wahrheit*) в литературе. Или же в той синхронности, с какой художественное сознание Ф. Фюмана реагировало на малейшие сдвиги в общественной и литературной ситуации страны и всего социалистического содружества. «Мои лучшие стихи, – признавался он, – я написал после XX съезда КПСС» (стр. 443). В конце 1960-х – начале 1970-х годов Ф. Фюман активно включился в упоминавшийся уже процесс «эстетической эмансипации

социалистической литературы» в ГДР. В мировоззренческом и художественном плане это выразилось прежде всего в автобиографической книге «Двадцать два дня, или Половина жизни» (1973), которая потому и вызвала такой широкий резонанс в ГДР и в социалистических странах, что находилась в центральном русле развития литературы социалистического реализма: усиление философского и нравственного начала, активизация интереса к духовному миру отдельной человеческой личности, раскованность формы и не ограниченное одним лишь дидактическим замыслом содержание и, наконец, глубоко осознанный интернационализм.

Завершая этот обзор, хочется процитировать слова Ф. Фюмана из его некролога Курту Батте, известному литературоведу ГДР. Многое в этом некрологе можно отнести и к самому писателю: «Эта жизнь... была заполнена работой, работой и еще раз работой. Он доставлял немало трудностей самому себе и тем, кто был рядом с ним... Он предельно напрягал наши силы, а мы – его; иначе он просто не был бы тем, кем он был...» (стр. 197).

1. Этот доклад на русском языке был впервые опубликован в «Вопросах литературы», 1974, N 10.
2. »Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР», М., «Прогресс», 1976, с. 302.
3. В. Миттенцвай, Отход учеников Брехта от его эстетических принципов. – В кн.: «Литературоведение и литературная критика ГДР 1960- 1970 годов». Сборник статей критиков ГДР, М., «Художественная литература», 1983, с. 136.
4. Н. Kaufmann, Versuch uber das Erbe, Leipzig, 1980, S. 130 – 143.
5. См.: G. Maurer, Das Marchenmotiv bei Franz Fuhmann. – In: G. Maurer, Essay 1, Halle (Saale), 1968, S. 182.
6. F. Fuhmann, Fraulein Veronika Paulmann aus der Pirnaer Vorstadt oder Etwas uber das Schauerliche bei E.T.A. Hoffmann, Rostock; 1979
7. Стефан Хермлин, Франц Фюман. – В кн.: С. Хермлин, Вечерний свет. Избранная проза, М., «Радуга», 1983, с. 305.